

Дроздова А.А.

Пламенный

Сама Горькая

Факультет

Александра Дроздова
Саша Лорски.
Пламенный факультет

<https://litres.ru/73862721>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если, возвращаясь темной ночью из библиотеки, ты обнаружишь нечто неожиданное?

Что будет, если один незнакомец тебя спасет, а с другим ты станцуешь один-единственный танец?

Мне стоило остановиться еще в библиотеке, а теперь я буду разгребать все последствия своего выбора...

Содержание

Часть 1.	4
Глава 2. Лазарет	34
Глава 3. Новые лица	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Дроздова

Саша Лорски.

Пламенный факультет

Часть 1.

Глава 1. Найденыш

...Саша Лорски...

Я шла по мрачному коридору Университета Магов, где обучалась уже четвертый год. До его окончания мне еще было далеко, но и три курса не прошли для меня незря – я умело управляла своим сильным огнем, даже считалась одной из лучших на всем пламенном факультете. Я действительно очень старательно обучалась всему, что предлагали узнать в этих несокрушимых стенах. Я усердно оттачивала мастерство и расширяла объем знаний.

Подобное жадное стремление к обучению было не потому, что я являлась заядлой отличницей, совсем нет, просто мой огонь был опасен не только для всех вокруг, но и для меня самой, а я очень хотела жить. Для нормального и здорового существования мне приходилось прикладывать все

возможные и невозможные усилия. Обуздать столь вспылчивую и непокорную огненную стихию было непросто.

Сегодня я задержалась в университетской библиотеке. Одинокое и звонкое эхо моих спешных шагов разносилось по полутемным каменным коридорам Университета Магов. Библиотека располагалась в основном здании университета, и я находилась здесь совсем одна. Встретить кого-то ночью в учебной части – вероятность небывалая, ведь желающих засиживаться за книгами дольше положенного, было не найти. Лишь я была исключением, зазнайкой и недотрогой.

Стоило мне подумать о том, что я в огромном здании совсем одна, как послышался какой-то придушенный писк, словно кто-то издевался над маленьким котенком, а он, измученный, уже не мог разборчиво мяукать.

Не задумываясь о последствиях, мои ноги свернули с дороги к выходу и тут же понесли меня туда, откуда раздавалось предсмертное постанывание. Звук доносился из-за двери, которая вела в пустующий отдел библиотеки – там располагалась художественная литература. Спрос на подобные книги у вечно занятых студентов был нулевым, поэтому этот отсек почти никто не посещал за неимением времени.

Бесстрашно распахнув дверь, я увидела студентку с младших курсов в форме водного факультета. Юная девушка зависла в воздухе, словно в вязком киселе. Она из последних сил хваталась за свою шею, пытаясь отцепить невидимую руку душителя от своего горла.

Видать, девица перешла дорогу сильной проклятийнице, раз, темной ночью среди пыльных книг она, проклятая, медленно задышалась. Жестоко.

Подобная лютость в братии магов – не редкость. Но, какими бы не были маги естественно бессердечными, лишение жизни – под запретом. При нарушении закона – тюремное заключение с лишением, ограничением дара. Коалиции Мира было абсолютно наплевать, является ли нарушитель студентом или кем-то еще: есть сила – неси ответственность.

Чтобы не натворила глупая девчонка с факультета водников, смерти она не заслуживала уж точно. Если и заслуживала, то обидчивая проклятийница должна была жаловаться и разбираться с помощью администрации университета, а не убивать малолетнюю неумеху, нарушая фундаментальный закон.

Боги одарили меня мощным пламенем, по каким причинам – только им было известно. Мой огонь был настолько велик, что профессора здраво опасались моих возможностей. Однако, боги позабыли снабдить меня каменным сердцем, что было у всех одаренных. Мне были не чужды милосердие, жалость или сочувствие. Я не могла утверждать, что у магов таких чувств не было совсем – это было неправдой, но то, что одаренные обладали интересной и довольно поверхностной эмоциональной вовлеченностью – это я могла гарантировать.

Пройти мимо или сделать вид, что я не заметила умираю-

щую и болтающуюся девчонку, как поступило бы большинство, я бы не смогла. Училась я прилежно, обращаться со своим пламенем умела – я знала, как спасти умирающую глупышку.

По моему ментальному велению языки пламени постепенно объяли всю меня. Если бы сейчас меня увидел кто-то несведущий со стороны, то у того могло сложиться ложное впечатление, что самую обычную девицу жарил ярко-рыжий огонь. В отличии от моего выдающегося пламени, я обладала самой невыдающейся внешностью. Я носила рваную челку, которая скрывала зеленые глаза, заплетала длинные мышинные волосы в тугую косу. Но, как я не старалась, коса всегда выглядела растрепанной и неряшливой. Одежда на мне была самая практичная для огневигов – кожаная, самолично вымоченная в специальном огнеупорном растворе. И, конечно, на груди гордо сияла эмблема пламенного факультета, как и у всех представителей данного учебного отделения.

Мое пламя и я знали, как бережно окутать девчушку и не дать ей задохнуться какое-то время. Мой ласковый огонь станет барьером между проклятием и проклятой, он позволит той выжить до момента прихода врачей. Закономерно, пламя не могло вылечить. Всему свое дело, исцеление – удел лекарской магии. Но с моей помощью и моего дара, у девочки будет время, пока кто-нибудь из дежурных лазарета прибежит на призыв о срочной помощи. Я отправила туда вызов сразу же после того, как укрыла своим огнем пострадавшую.

Долго спасителей ждать не пришлось, да еще и каких! Назов явились: сам декан лекарского факультета, декан пламенного факультета и даже ректор всего нашего могучего заведения. Трое благообразных профессоров и настоящих специалистов теперь сгрудились в небольшом отсеке студенческой библиотеки. Они столпились вокруг зависшей, полыхающей моим огнем, водницы перед тем, как начать действовать самим.

– Когда прикажу – отзывай пламя! – крикнул мне декан исцеления.

Я приготовилась выполнить его указание. Этот мужчина в годах отлично знал свое дело, впрочем, как и все преподаватели Университета Магов. Да, в основном весь преподавательский состав был мужчинами и женщинами в годах. Но то, как они управляли своим даром, каким мастерством обладали, всегда восхищало не только меня, но и всех учащихся. Большинство студентов прилежно стремилось перенять их умения, знания, опыт. Всем хотелось жить спокойно и сыто.

Факультетом исцеления заведовал Кирис Бордер. Он собирался забрать пострадавшую от проклятья девочку из-под моего огненного воздействия. Кирис Бордер был знаменитым лекарем во многих землях. Он был способен излечить практически все известные недуги. Однако за время своей лекарской практики он не обзавелся семьей, только профес-

сиональными навыками колоссального уровня.

Все дарованное богами время Кирис посвящал работе и помощи другим. Осознав, что ему некому передать все то, чем он обладал – грандиозным опытом и феноменальными знаниями – пришел преподавать в Университет Магов. Он жаждал передать свое наследие горе-студентам. Таким способом Кирис Бордер стал учить «бестолочей», с его слов, использовать магию лекарей.

Деканом пламенного факультета был скрюченный брюзга-дед с отвратительным характером. Старый маг имел маленький резерв, но его фантазия была настолько богатой и незаурядной, что даже в тренировочных боях одолеть декана не смог еще ни один студент. История прошлого Леофуса Раска была покрыта мраком. И никто не знал, как и почему старик – Леофус Раск – оказался в стенах университета, но все студенты были единогласны во мнении, что с таким пакостным характером декан Раск просто не смог нигде прижиться. И только в Университете Магов он нашел свое призвание в изощренных издевательствах над подопечными.

Мне лично, был глубоко приятен изворотливый и хитроумный горбатый старик. Его высказывания были остры, но точны. Его замечания были обидны, но справедливы. Его приемы были до того интересны и каверзны, что заставляли ночами напролет торчать в библиотеке над справочниками и в тренировочных залах, и совершенствоваться, и совершенствоваться, и совершенствоваться!

Учиться под началом Леофуса Раска было тяжело, но увлекательно и познавательно, а главное – продуктивно! Я охотно ходила на лекции и тренировки огня под началом декана несмотря на то, что выходила с этих занятий чрезвычайно измотанной и истощенной, но зато с точным пониманием, что и как делать дальше и над чем еще мне следовало поработать побольше.

Кроме двух деканов на зов о срочной помощи явился еще более таинственный персонаж университета – ректор Университета Магов, Склифор Эндр. Про него вообще не было никакой информации у учащихся, в отличие от Леофуса Раска. Студентам была известна хотя бы принадлежность дара у декана, а с ректором было сложнее. Никто даже и отдаленно не представлял, какой магией он управлял, какие чувства он испытывал, была ли в нем хоть капля рожденного драконами, вервольфами или каких-либо других рас, и за какую сотню лет ему уже перевалило. Ни прошлого. Ни настоящего. Ничего... Склифор Эндр оставался загадкой для всех, без исключений.

Но, судя по дряблему и сутулому телу, наполовину лысой и седой голове (и все это богатство у мага), я могла предположить, что ему было очень-очень-очень много лет. Единственное, в чем в университете никто не сомневался так это в том, что повсюду были уши ректора. От этой всемогущей и загадочной фигуры было невозможно ничего утаить – виновный всегда будет наказан, даже за малую шалость. Чем ду-

мала проклятийница, насылая смерть на молоденькую водницу?

– Убирай! – приказал мне Кирис Бордер, выдергивая из раздумий.

По отзывающему приказу обволакивающее пламя на проклятой и на мне постепенно затихло, а затем, и совсем исчезло. Вокруг девушки теперь закрутилась иная магия – магия исцеления.

Золотой свет силы спеленал водницу, заставляя медленно отступать смертельное заклятье. Выражение лица смягчилось, а напряжение из хрупкого тела ушло. Теперь младшекурсница больше напоминала спящую, чем проклятую.

Лекарская магия Кириса Бордера аккуратно вложила девушку прямо ему в руки, и он стремительно выбежал из пустынного отдела библиотеки и направился вместе с бедняжкой в студенческий лазарет.

– Так-так! – произнес ректор, рассматривая дверной проем, где секунду назад скрылся декан факультета исцеления. – Кто здесь у нас спаситель? Саша Лорски, это вы? Так и есть!

Бессменный и древний ректор сам себе и ответил, он точно знал, кто перед ним. То, что для него не являлось секретом мое имя, совсем не удивляло. Ректор знал все, всех и каждого. Я не сомневалась, что он уже имел представление о том, кто мог совершить подобное злодеяние. Только круглая дура могла понадеяться, что смертельное проклятье может

остаться безнаказанным в стенах Университета Магов.

– Попробую угадать! Застряла в библиотеке над справочником о трансформации пламени? Стала возвращаться в общежитие факультета, и что-то привлекло твое внимание? Не прошла мимо, а отправилась помогать? И что же так сильно заинтересовало тебя, что ты оказалась возле художественного отдела библиотеки, где не была еще ни разу? – спросил всевидящий и всезнающий ректор Эндр, даже название книги не ушло от его контроля, что уж говорить о личности ведьмочки перешедшей грань.

– Я услышала подозрительный писк и пошла посмотреть, что происходит. Обнаружила почти задушенную проклятием студентку с водного факультета и применила к ней безвременный огненный кокон в качестве барьера, послала зов дежурному в лазарет. Дальнейшее уже происходило в вашем присутствии.

– Я понял. – произнес ректор Эндр и потерял ко мне всякий интерес. Он обратился к декану пламенного факультета. – Левофус! Вызови сюда декана проклятийного факультета и весь третий курс ведьм.

– Боги, Склифор! Розария меня проклянет на смерть, если я потревожу ее в столь поздний час, а если дерну ее подопечных без нее, то останусь без посмертия. – взмолился декан Раск.

Ректор махнул на него рукой и сказал:

– Я ей нравлюсь еще меньше, чем ты, глядишь, тебе до-

станется только проклятье немоты. Походишь, помолчишь денек-другой. Всем легче будет.

– Вот студенты-то обрадуются. – саркастично ответил Леофус и торопливо покинул отдельное помещение библиотеки, оставляя нас с ректором вдвоем.

Мой декан был прав во всем: и в том, что все студенты обрадуются его молчанию; и в том, что деканом факультета проклятий была очень своеобразная особа.

Она была обладательницей вредного характера хлеще, чем у самого Леофуса, и звали ее Розария Глейд. Она была женщиной эффектной и очень красивой, несмотря на свой возраст. Ее каверзы были настолько изящными, тонкими и гнусными, что мой декан пускал на нее любовные слюни.

Поговаривали, что Леофус давно зазывает Розарию в жены, однако, торжества не случилось до сих пор. Студенты с пламенного факультета не теряли надежды, что когда-нибудь погуляют на свадьбе этих двоих, самых злонравных магов в университете, а вот ведьмы-проклятийницы не горели желанием отдавать свою предводительницу какому-то горбатому огневику. Это разногласие послужило истоком взаимной нелюбви между факультетом огня и проклятий.

– Вы уже знаете, кто это мог быть? – спросила я тихонько у того, кто остался со мной среди гор годами нетронутых книг.

– Догадываюсь... – еле слышно ответил мне ректор Эндр. Он задумчиво постучал своим кривым пальцем по сухим тонким губам. – Тебе придется подождать и выступить сви-

детельницей перед Розарией, потом ты можешь быть свободна.

Декан Глейд буквально через мгновение появилась вместе с деканом Раском. Она выглядела встревоженной и не такой опрятной и яркой, как обычно. Я заметила, что ее белая рубашка была мятой и наспех застегнутой, прическа – неаккуратно собранной, а губы – бледными, без ее привычной алой помады. Но, как всегда, присутствовали узкая, длинная юбка и высокие шпильки. Розария Глейд была на высоте, даже вставая с постели.

У декана проклятий был не только интересный подход к обучению и наказанию, она и свою магию использовала нетипичным образом для ведьм. Возможно, так себя проявляла в ее венах капля крови рожденных вервольфами, так считали студенты.

Предположение о происхождении Розарии Глейд скорее было ничем не подтвержденной байкой студентов, но имело основу для такого вывода – использование иных зон чувств во время ворожбы. Розария, как лучшая ищейка, вынюхивала всю комнату, резко взмахивала руками и даже один раз лизнула свой указательный палец, которым до этого потерла пол. В том месте, где и висела девушка, пока над ней довлело удушающее проклятье.

– Я знаю, кто это сделал. – твердо произнесла декан Глейд, когда завершила осмотр места, где совершилось нарушение непреложного закона.

– Да, я тоже в курсе. Звать весь третий курс проклятий-ниц не придется, но доказательств маловато... – меланхолично произнес ректор Эндр, разглядывая на полке книгу, которая привлекла его внимание.

– Кто нашел бедняжку? – спросила декан факультета проклятий, причем, тут же нашла меня взглядом и чуть ли им же не пришпилила.

– Я. – твердо ответила я, не боясь ни капельки старую ведьму. «Старой, главной ведьмой» ее называли между собой на факультете огня.

– Розария, позвольте представить, Саша Лорски – моя лучшая студентка. – встрял в немигающую битву взглядов ехидный голос моего декана, декана Левофуса Ракса.

– Конечно, – прошипела декан проклятий, переведя взгляд на коллегу. – Ни одно событие не может пройти без участия пламенного факультета.

– Между прочим, я спасла девчонку. – произнесла я с явным вызовом в голосе и скрестила руки на груди. Мне совсем не хотелось грубить уважаемому преподавателю, но ей не стоило так высказываться.

Если уж быть откровенной, то у меня не осталось сил ждать непонятно чего. Я хотела уйти. Водница спасена, виновница известна. Мне здесь делать было нечего, а завтра у меня ранний подъем.

Ведьма Глейд задорно рассмеялась, тыкнула Левофуса Раска в плечо острым, черным коготком и сказала:

– Забавная...

После заключения о моей принадлежности к домашним зверушкам, за которыми приятно наблюдать, Розария обратилась к своей силе.

Магия проклятий меня пленяла. Какую хитроумную мощь, этот тип магии скрывал под симпатичной маской. Уже один цвет колдовства проклятийниц восхищал каждого свидетеля ворожбы.

Магия проклятий всегда имела глубокие, насыщенные, исключительно темные оттенки: черный, синий, фиолетовый, зеленый, даже бордовый как-то раз мне довелось лицезреть. Но у Розарии Глейд облик дара был самым красивым, что когда-либо встречался в моей короткой жизни. Ее чары обладали прекрасным цветом ночи, а, если приглядеться, то в завихрениях заклятий можно было рассмотреть россыпь звезд. Это было потрясающее зрелище!

Пока я мысленно восхищалась магией проклятий, декан Глейд успела сотворить двух темных гогомов, сотканньх из сырой силы. Они выглядели нелепо, но выполнить такую тонкую работу за такое короткое время еще лучше, чем сделала декан Глейд, было невозможно. Руки гогомов были слишком длинными, а плечи были чересчур широкими, ноги немного коротковатыми и искривленными. Их головы были вытянутыми, как и их уши. В двух несуразных темно-синих фигурах гогомов можно было рассмотреть перевоплотившихся рожденных вервольфами. Случайность? Или в

болтовне студентов имела искра истины?

Сотворенные големы смиренно стояли перед седой создательницей, а после повелительного жеста главной проклятийницы Университета Магов и чрезвычайно красивой ведьмы они удалились. Декан Глейд отправила их за виновницей этого внепланового ночного сбора.

– Ты молодец, Саша! – раздался голос ректора. – Если бы не твое своевременное вмешательство, то мы бы не успели ее спасти.

Ректор не столь всемогущий, чем мне казалось? Или было что-то еще, о чем я даже догадываться не могла?

– Кстати, – встряла в разговор декан Глейд, не позволяя мне и рта открыть, чтобы поблагодарить уважаемого ректора. – А где декан водного факультета? Ведь это же его студентка чудом выжила.

– Не чудом, а благодаря подконтрольному пламени. – вставил несколько принципиальных слов декан Раск.

Да, декан Раск не позволял другим преподавателям приносить достижения своих огневигов, так поступать мог только он один. И не разность магии была в этом причиной, а еще один повод задрать свой нос перед той, что заставляла пламя Раска трепетать свечой.

– Он в Лазарете. – вмешался ректор Эндр. – Декан водного факультета следит за состоянием здоровья своей ученицы.

Декан водников еще один любопытный обитатель Университета Магов, его звали Ручеек. Он был очень спокой-

ным, молчаливыми и мудрым магом, и он был слишком странным и чуждым для всех, не только для учащихся, но и для преподавателей.

Ручеек был самым настоящим чистокровным рожденным альвом. Одно это заставляло всех склонить голову перед ним – представители древних рас с чистой кровью встречались очень и очень редко. Носителей каких-нибудь пары капель крови рожденных древними расами можно было повстречать на своем пути, но чистую кровь – почти никогда.

И выглядел Ручеек соответственно своему народу – с торчащими длинными ушками и в традиционных длинных одеяниях альвов, расписанных яркими крупными цветами. Он был молод лицом, но по древности мог сравниться с ректором Эндром, наверное. Его белесые глаза в обрамлении таких же белесых пушистых ресниц и серебряные волосы только усиливали эффект древности этого мага. Сколько лет было Ручейку не знал никто, я думала, что сам ректор Эндр был не в курсе.

Сколько всего повидал декан Ручеек? Что его привело в Университет Магов? Об этом оставалось лишь гадать, как и о многом другом.

Его движения были плавными и тягучими, словно он и есть вода, но при малейшей опасности он становился смертельным цунами. Ручеек был проницателен и предусмотрителен, он пугал своей провидческой дальновидностью и говорящим молчанием всех студентов и преподавателей, и ме-

ня тоже. Дополнительно в пользу моего опасения играла полярность стихий, огонь и вода – естественные противосилы.

Что же между собой не поделили Ручеек и Розария Глейд, так же было очередной тайной из прошлого наших дорогих преподавателей. Студенческий вариант причин неприязни – зависть старой ведьмы к молодому облику, долголетию и чистой крови альва. Несмотря на свой истинный древний возраст, Ручеек был один из немногих преподавателей университета, кто молодо и привлекательно выглядел. Многие девочки пытались залезть к нему под одеялко, но, конечно же, безуспешно. Декан водного факультета не был заподозрен в романах со студентками, впрочем, как и другие учителя.

Могла ли декан Глейд завидовать внешности? Я так не думала, но истинный мотив ее откровенной нелюбви к Ручейку мне был не понятен.

Неожиданно стало гораздо темнее, названия книг потерялись в сгустившемся сумраке, а воздух уплотнился, что дышать стало тяжело – так, гневалась проклятийница. Спустя несколько мгновений подозреваемая появилась перед нами в крепком захвате двухметровых големов. Ведьмочка рьяно сопротивлялась, ее магия проклятий неистово металась и клубилась вокруг, вторя своей хозяйке. Сила тоже выискивала способы освобождения и цель для расправы, естественно, безрезультатно. Големы профессионально удерживали и магию проклятий, и студентку. Декан Глейд одним щелчком пальцев сковала выкручивающееся тело подозреваемой, от-

секая под корень любой намек на сопротивление.

Теперь даже мне стало понятно, кто и за что решил по-квитаться с мелкой девчонкой с водного факультета...

Эта история шепотом бродила между ушами студентов, но никто из них и, как выяснилось и даже сам ректор, представить себе не мог, что Камилла могла решиться на месть бедной младшекурснице. Сплетня и мои уши не обошла стороной, и это при условии моей обособленности и замкнутости. На мой взгляд, водница была ни капли не виновата, а причина инцидента была в любвеобильности магов.

Маги были крайне похотливыми божественными созданиями, а если учитывать их черствость, бессердечность и жесткость, то вырисовывалась малоприятная картина, где о любви никто не говорил и не слышал. Зато распутство, страсть, ревность маги чувствовать могли, усердно практиковали и даже несколько зависели от такого легкого получения подобных интенсивных эмоций, разбавляющих обыденную учебную жизнь.

И даже здесь я была исключением. Из-за несвойственной для магов эмоциональной составляющей для ведения бурной и разнообразной личной жизни мне как раз-таки не хватало чувств. Да, были встречи, свидания и даже близость благодаря моему любопытству, но и только. Получение куце-го опыта поздним вечером привело к тому, что тесное общение с противоположным полом было завершено, ибо ничего там нового и полезного не вырастет – неоспоримый факт.

Очередная непохожесть вызывала еще большее неприятие со стороны студентов, а огромный резерв пламени (всем на зависть) и вовсе делали из меня изгоя, зазнайку и недоτροгу. Маг, который участвовал в получение первого опыта, стал считать так же. И я предпочла о нем забыть, как о дурном сне. Их в моей жизни было предостаточно, было чем затмить.

Но довольно воспоминаний обо мне, Камилла и девчонка с водного (я не знала ее имени) были неповинны в похождениях симпатичного парня, который пользовался бешеной популярностью среди девушек.

Сирилл Гур – самый прославленный партнер в койках во всем Университете Магов, по мнению женской студенческой половины. Он и послужил истоком всей истории. Сирилл мог бы путешествовать из одной постели в другую менее пафосно и напыщенно, тогда и Камилла не взбесилась бы до такой степени и смогла бы справиться со своей ревностью.

Однако, брошенная поутру партнерша эгоистично решила избавиться от конкурентки за сердце, а точнее за другую часть тела блудливого студента, наслав на соперницу смертельное проклятье. Странно, что Камилла выбрала для мести водницу с младшего курса из всей разнообразной толпы любовниц Сирилла. Юная водница планировала стать следующей жертвой ловеласа Сирилла?

Даже опутанная магией Камилла была крайне привлекательной магиней, она была настоящей красавицей. Волосы

были золотистыми и без завивки закручивались в крупные локоны, как у куколки. Ресницы Камиллы были черны и подчеркивали зелень глаз, фигурка – точеная, что взгляд было невозможно оторвать. Но вся красота ее гасла и печально меркла, когда Камилла открывала рот, и из него начинали извергаться сотни, тысячи бранных слов и ругательств. Ее лицо извечно выражало недовольство и отвращение. Вся привлекательность пропадала под слоем грубости и вульгарности. Сирилл – смельчак!

Розария Глейд щелкнула пальцами, и голова Камиллы обрела свободу, как и ее рот. Я не знала, какого эффекта хотела достичь декан проклятий, но стоило Камилле почувствовать отсутствие скованности языка, как вся комната наполнилась смачной бранью и оскорблениями, причем все они были посвящены мне.

Как же злость искажала лицо Камиллы! Из прекрасной и миловидной девушки она перевоплощалась в стервозную истеричку.

– Ты! – кричала она, – Это ты во всем виновата!

В своей виновности я сомневалась. Ректор обнаружил бы все и без моего милосердного носа. Убийство несовершеннолетней водницы в карман не спрятать. Единственное, что могло так «расстроить» Камиллу, что девчонка выжила вопреки всем ее усилиям. Это была месть? Или же цель была убить? Этот вопрос заставил меня внутренне скукожиться. Целенаправленная смерть девчонки – слишком уж неверо-

ятно! Или нет?

– Если бы не твое вмешательство, тварь огненная! Всего лишь час, и вычислить магию было бы невозможно! – ревела проклятийница третьего курса обучения.

Отрадно было слышать объяснение Камиллы, а то я успела записать ее в матерые убийцы, а она была просто слишком самоуверенной.

Камилла зловеще рассмеялась, чем вызвала недоумение у всех присутствующих, а по моему телу почему-то пробежался озноб, неужели это страх? Нет, быть такого не могло, чтобы я испугалась какой-то ревнивой блондинки. Я инстинктивно подобралась и приготовилась неизвестно к чему.

Она смотрела на меня вызывающе и с такой ненавистью, что это меня действительно пугало, Камилла неистово заорала:

– Посмотрю, как ты завоюешь, когда тебя разорвет от собственной магии!

После ее угрозы Розария Глейд решила, что с неучтенными выступлениями пора заканчивать, и магия оттенка ночи, наконец, заткнула третьекурсницу. Слова проклятийницы были похожи на заклятье, но я не ощущала в сказанном силы. Камилла блефовала напоследок, и я решила, что мои опасения безосновательны.

Красавица Камилла покраснела от самонадеянности, она жаждала всеми силами порвать сковавшее ее магическое оцепенение, но до могущества главной ведьмы Университета

Магов обычной третьекурснице было очень и очень далеко.

Две фигуры сотворенных големов бодро подхватили озверевшую Камиллу и покинули незапланированную ночную встречу. Куда они увели Камиллу, мне было неизвестно, и этого я знать не хотела.

Теперь Камилле предстоял судебный процесс, и в ее интересах, чтобы дело не вышло за пределы университета. Но, если Коалиции Мира станет известно о произошедшем, то Камилле будет уготована страшная участь, а университету многочисленные проверки и проблемы.

Университет Магов – одно из немногих учреждений, которому удалось отстоять политическую независимость. Ректор Склифор Эндрьяно защищал свободу университета от территориальных и политических принуждений, и у него это получалось. Студенты Университета Магов не присягали никаким правящим династиям, а имели право выбирать, в отличие от многих других обучающих магией организаций.

После благополучного окончания учебы каждый выпускник мог выбрать: кому служить, где служить и служить ли вообще... Этот момент был решающим, когда я выбирала себе пристанище. В моих руках находилась слишком ярая и мощная магия огня, а я не хотела быть оружием на арене дипломатии и политики, не об этом я мечтала. Но навредить себе или кому-либо еще – безграничный кошмар, и мне было достоверно об этом известно.

Мой выбор – благоразумно обучиться контролировать свое пламя, но другие маги, отказавшиеся от присяги, могут и не быть такими сознательными. Подобные свободные маги не имели никаких запретов – таким образом Коалиция Мира получила свое существование и следила за одаренными по всему миру.

Коалиция Мира – ограничивающее, карательное, межтерриториальное, тайное ведомство. Оно тщательно следило за соблюдением магами общепринятых законов. В состав коалиции входили лучшие одаренные представители из всех стран, земель, империй, королевств и так далее. Их личности и остальные сведения хранились в строжайшем секрете. Коалиция Мира не просто носила название тайного ведомства, оно действительно было окутано неизвестностью и опасением. Я лично молилась всем богам, чтобы никогда не столкнуться ни с одним из представителей «палачей магов», как их называли одаренные между собой, и на то были причины.

Я уважала работу ведомства – маги обладали силой, которая превозносила их над неодаренными, а если учитывать еще довольно извращенный эмоциональный фон магов, то Коалиция была отличной сдерживающей и контролирующей организацией. Борцы, входящие в состав Коалиции, пугали своей мощью даже магов-психопатов. Неужели Камилла решила, что она умнее? Ревность настолько затмила разум?

За подчиненной заклятием Камиллой и двумя големами

удалилась и Розалия Глейд, бросив на меня внимательный сканирующий взгляд. Примерно под такое же прицельное разглядывание я попала от своего декана, но он хотя бы кивнул мне перед тем, как уйти. А ректор перед уходом не постеснялся меня тщательно проверить на наличие магии проклятий, но, как и другие преподаватели, он ничего не обнаружил и без слов покинул раздел художественной литературы. Я осталась среди стеллажей, заставленных книгами, одна.

Мне пришлось задержаться в пыльном отделе библиотеки для разгрузки студенческого ума еще на несколько минут. Я решила дать возможность уйти подальше преподавательскому составу. Выдохнув, я и сама ушла с места, где могло случиться непоправимое.

До своей комнаты в общежитии со знаменем огня я дошла без приключений, и даже никто не умер по дороге. Общежитие пламенного факультета предусмотрительно располагалось дальше всех от основного здания и других построек, во избежание воспламенения.

Еще до нашего ректора студенты-огневики славились лихими случайностями с поджогами, и Склифор Эндр отселил пламенную братию максимально далеко, чтобы при случайном или неслучайном выбросе стихийной силы учащиеся не смогли сжечь ненароком весь университет целиком.

С комнатой мне повезло – теперь я в ней жила одна. Раньше я делила комнату с неряшливой мышкой-соседкой, кото-

рая постоянно запасалась сухой едой и тихонько ей хрустела, шурша страницами книг и оставляя повсюду море крошек. Взаимопонимание не было достигнуто, представление о чистоте в общей комнате и в ванной значительно разнились, но не я стала причиной ее выселения. Мышка не выдержала жесткий натиск учебы и знаний, и была отчислена с возможностью восстановиться, но с ограничением во владении магией. Огонь будет заблокирован до того момента, пока магия не освоит управление стихией.

Ограничитель – вещь для мага неприятная, но не опасная, зато это был лучший способ, что нес защиту окружающим, в том числе и самому магу. Это не обозначало, что маг с частичной блокировкой дара больше не сможет пользоваться своей стихией (как раз, полное ограничение являлось чрезвычайно губительным). Но с дозированным воздействием блокиратора маг не мог перейти порог и, например, вызвать огненный смерч вместо маленького огонька. Пользоваться магией в работе или для собственных нужд мышка сможет без всяких проблем, но я не хотела жить с вечным ошейником.

Пройдя через спящего коменданта и открыв одну из дверей в ряду аналогичных дверей, я вздохнула запахом комнаты, ставшей мне домом. Да, здесь не было лишних удобств, как у тех, кто мог платить за них, но меня все устраивало и так, как есть. Богатенькие наследницы и наследники жили этажом выше, а те, кто попроще жили теснее и ниже.

Моя комната располагалась в самом начале коридора женского крыла четвертого курса. Базовые комнаты были обустроены однотипно, но за полгода отсутствия соседки я успела ее видоизменить. Я натащила с арены некоторые тренажеры для повышения выносливости и силы тела, с разрешения преподавателей, и прибила к свободным стенам довольно крепенькие полки для книг (им не хватало места) из досок, которые я стащила из хозяйственного амбара, уже без разрешения преподавателей.

Еще одним приятным моментом стало то, что комендант забыл об одолженных инструментах и не просил меня вернуть молоток с гвоздями, и необходимые инструменты остались в моей комнате. Ими можно было починить все, что угодно, главное – проявить фантазию и смекалку. Эти две основополагающие для ремонта вещи на себе проверили кое-какие предметы мебели и даже кран. Все моментально переставало скрипеть или же предательски капать, испугавшись моего грозного облика наперевес с молотком.

Стоило закрыться хлипкой входной двери за моей спиной, как тут же усталость навалилась на мои плечи, и под тяжестью сегодняшнего утра, дня, вечера, ночи – они, эти плечи, тяжело опустились.

Разное случалось в стенах университета, но такое целенаправленное эмоциональное желание убить во что бы то не стало я встретила впервые. Для ректора и деканов это не бы-

ло чем-то новым, я так думала, но все же... Что-то неуловимо изменилось сегодня, что-то, что и сейчас меня держало и не отпускало. Я не понимала, что ветер событийности принесет мне, и от неизвестности по спине волнами разбегались мурашки.

Но сейчас было не то время, чтобы предаваться страху, сейчас стоило самой убедиться, что Камилла не повесила на меня проклятье, ее слова звучали пугающе. Я медленно и осторожно провела, вспыхнувшими огнем, ладонями абсолютно над всем. Я проверила каждый предмет одежды, каждую волосинку в косе, каждый сантиметр своего тела, и убедилась, что я была чиста от магического воздействия. Это немного меня успокоило, но тревога все равно затаилась, несмотря на всю мою предосторожность.

И мною было решено предаться самообразованию. Оставшееся время я посвятила чтению книг своей направленности, прочитала несколько глав о пламенных щитах и их видах, о дополнительных защитных свойствах огня и о возможности атакующего момента во время защиты.

Вечер сегодняшнего дня я потратила на тренировку своего тела и дара. Ночь была отдана уму и книжному просвещению. Ах да! И спасению глупеньких водниц. А все свободное время можно было потратить и с пользой, но, не дочитав пару страниц, я позорно заснула.

Будильник прозвонил до тошноты рано. Слюни мерзко

стекали с краешка губ, пачкая белую подушку. Мне пришлось стереть их с лица рукой и резко подняться с постели. Если бы я не встала сразу, то вероятно не смогла бы отлепиться от узкой и невероятно жесткой постели, пахнувшей соломой, уже никогда. С громким стоном отчаяния я поднялась и поплелась в ванную комнату.

До начала лекции оставалось еще целых полтора часа. За это время я успевала: принять ледяной душ, чтобы проснуться, отправиться на пробежку и вернуться под душевые струи уже для очищения, а не пробуждения, и уйти из общежития за съедобным восстановлением.

В столовой под косые взгляды однокурсников и других студентов я съедала свой завтрак в гордом одиночестве. Недотрогу и выскочку, как меня называли, не любили, но взгляды на мой аппетит никак не влияли.

Этим утром ела я быстро и с удовольствием. Одна только пара глаз напрягала меня своим пронзительным вниманием, потому что принадлежали эти глаза Сириллу Гуру.

«Пламя! Этот чертов бабник, решил подойти!» – пролетело в моей голове, когда я увидела, как, не отрывая от меня своих почти прозрачных глаз, Сирилл вальяжно поднялся со своего места, прерывая своих однокурсников на полуслове. Высокий, смазливый брюнет привлек к себе еще больше внимания своей тягучей походкой – он приблизился к моему одиноко стоящему столику.

«Западня!» – подумала я.

Я предпочитала сидеть одна в самом дальнем углу. Я давно уяснила, что друзей мне за время учебы не обрести, все студенты давно меня избегали по самым разным причинам от неприятия моего нестандартного поведения до зависти к огромнейшему резерву и успеваемости. Вокруг меня образовалась зона отчуждения, которой я была несомненно рада. Мне были не нужны лицемерные друзья и неверные любимые. Спасибо, я попробовала, больше что-то не хотелось, лучше уж быть одной.

И теперь этот напыщенный идиот решил все испортить и польстить своим вниманием самую известную недотрогу во всем Университете Магов. Пламя!

Он остановился возле моего стола и молчал, буравя меня непонятым взглядом. Естественно, я смотрела на него так же, не моргая, но при этом продолжала доедать свой завтрак. Жареные макароны с яйцом и колбасками были невероятно вкусными.

– Ты вчера нашла Бэллу Асвер?

Я не стала ничего отвечать. Его вопрос означал то, что Сирилл был осведомлен о всех подробностях вчерашней ночи. Знал он, а значит, и весь университет был в курсе, из-за чего, а точнее из-за кого, одна девушка чуть не избавилась от соперницы.

– Спасибо. – проговорил Гур, резко развернулся и покинул мое общество, впрочем, как и столовую.

Аппетит все-таки пропал. Я не имела понятия, что имел ввиду красавчик-студент под своей благодарностью, но лучше бы ему стать более избирательным в выборе кроватных партнеров. Свой совет я благоразумно оставила при себе, никто в нем не нуждался.

Надкусанный бутерброд с запеченным мясом я забрала с собой, а пустую тарелку без макарон и колбасок отнесла в мойку. Когда аппетит ко мне вернется – бутерброд будет уничтожен. Сытой, но недовольной, я отправилась на первое занятие.

Правда, до того, как я дошла до лекционного зала, в дверях столовой я столкнулась с девушкой. От нашего столкновения ее учебники картинно рассыпались. И пока я помогала собирать книги, в нерасторопной девушке я узнала подружку Камиллы.

Ранее ведьмочка не отличалась такой неуклюжестью, это меня зацепило. Я все равно извинилась, как подобает воспитанной магине, но вины своей не ощущала. Сложив книжки и тетрадки, я направилась своей дорогой, а подружка Камиллы – своей.

Встреча мне показалось какой-то неправильной, но объяснить себе почему, я так и не смогла. Возможно, из-за того, что лицо ведьмочки было нервным и заплаканным, но после заключения лучшей подруги в карцер иметь следы печали на лице вполне логично. Повышенная суетливость и тремор бледных пальцев тоже укладывались в последствия слезной

ночи. Однако что-то мне не давало покоя...

Внятного и очевидного объяснения всем не состыковкам я не нашла. Мне пришлось просто не обращать внимание на собственное беспокойство и идти учиться дальше...

Глава 2. Лазарет

Мое место было на третьем ряду с самого края аудитории, как всегда рядом со мной никто не сидел. Все шло как обычно. Четвертый курс внимательно слушал лекцию о щитах, о которых я повторяла этой ночью, поэтому мне не требовалось слушать так же внимательно, как остальным.

Лекцию по защите читал еще один преподаватель пламенного факультета. Внешне, но не возрастом, он был самым старым преподавателем во всем университете и выглядел соответственно. Его тело было сухим и слабым, зато голос звучал громко и сильно, а лекции были емкими и познавательными.

Альберт Фароус – имя едва живого профессора. В прямом смысле едва живого, ведь его пламя уже начало гаснуть, с этим и было связано физическое увядание преподавателя. Ректор позволил профессору Фароусу преподавать студентам теоретический материал, пока огонь совсем не уйдет из тела и не заберет с собой душу профессора Фароуса. Склифор Эндр разрешил гораздо большее, чем занятие предсмертным лекторством, он одобрил спокойно и без страха умереть в стенах университета, демонстрируя глубокое уважение к своему старшему преподавателю.

Профессор Фароус не мог тренировать огневики на аре-

не и отрабатывать управление огнем по ясным причинам. Семинары и практические бои нам преподавали другие: декан Раск и Бэн (просто Бэн – так его называть просил он сам).

Итого, в состав преподавателей факультета Пламени входило всего трое огневиков.

Я сосредоточенно слушала про искажение свойств щита огня, про необходимость дополнительной защиты для находящихся рядом людей, про атаковую огненную искру и про возможность преобразования щита – эти знания для меня были не новы. Я уже отработала и даже могла использовать пламя в такой форме, но повторять – никогда не мало. К концу лекции я почувствовала, что несколько устала, а мне подобное было несвойственно. Неужели спасение водницы было для меня более нервотрепляющим, чем я ожидала первоначально?

Следом за лекцией в расписании стоял семинар, где Бэн тщательно отрабатывал вместе с группой то, что рассказал профессор Фароус до него. Для начала он ставил студентов оттачивать мастерство на манекенах, куклах или же мишенях, а затем, распределял учеников по парам, и они отрабатывали удары в спайке друг с другом.

Бэн, зная о моих перипетиях с остальными учащимися, не хотел ставить меня в неловкое положение и сам выходил ко мне в пару на арену. Бэн был добрым магом, как очередное исключение из правил, он был не таким, как большин-

ство одаренных. Еще он был здоровенным, огромным и пышущим здоровьем мужчиной, но морщинки в уголках глаз уже показывали всем студентам, что он не один из нас.

Бэн был вторым после Ручейка, в постель к которому стремились многие смелые студентки. И если Ручеек неприступно и открыто отказывал, то сплетен о личной жизни Бэна я не слышала, кроме одной – из-за его неизменного выбора меня в качестве спарринг партнера, мне приписали статус его любовницы, на что Бэн загадочно улыбался и отрицательно качал головой всем интересующимся. Он тоже не мог представить нас вместе, как и я, хотя это нами никогда не обсуждалось.

Я ко всем преподавателям испытывала родственную привязанность. За неимением собственных семейных связей, я ценила того, кому я сама была небезразлична. Преподаватели пламенного факультета были ко мне добры, по-своему, но этого было для меня достаточно, чтобы я симпатизировала им больше, чем просто опытным наставникам.

Я была довольна сложившимся положением вещей. Отрабатывать огненные приемы с Бэном в паре было гораздо поучительней и продуктивней, чем с любым другим студентом, а то, что имя Саша Лорски трепали по любому поводу, я уже давным-давно привыкла.

После отработанных приемов и различных схем создания пламенного щита, уже весь курс отправился в тренировоч-

ный зал, где нас поджидал декан Раск. Ему до немощности было очень-очень далеко, и его пламя было в полном порядке. Старик-декан был горбатый, седой и в преподавательской форме сильно напоминал деда, но в тренировочном зале все было иначе, там он показывал себя во всей красе. Левофус Раск под одеждой прятал тело, огнем выплавленное. Декан пламени был жилистым, крепким, невероятно выносливым, конечно, вид немолодой кожи портил впечатление, но в бою ему не было равных, даже Бэн уступал Раску в мастерстве.

Левофус стабильно щеголял перед студентами в одних штанах, демонстрируя свой эффектный десятками лет натренированный торс. В тайне я посмеивалась над этой обязательно-раздевательной частью занятия, ведь телосложение не делало декана Раска моложе. Я подозревала, что это голое представление было не для молодых пустоголовых студенток, оно было для цели гораздо старше и с магией цвета ночи.

Розария, конечно, та еще стерва, но, нет-нет, да и захаживала на арену, то ли для поощрения своего терпеливого ухажера, то ли сама желала полюбоваться Левофусом. На мой взгляд, это была игра «царапай-убегай-возвращайся».

Тренировка, что была сегодня направлена на повышение выносливости телесной оболочки – вместилища магии, далась мне крайне тяжело. Всего спустя час привычных упражнений я тяжело дышала, а по коже противно сползали струи пота, челка мерзко прилипла к лицу, а коса превратилась в

нечто невообразимое и непотребное. Я чувствовала себя задыхающимся загнанным свинопигом.

Выползала я из тренировочного зала, словно улиточный червь, такой же медленной походкой. Я так сильно задержалась в «тяжелом» пути, что до общей женской душевой я дошла самой последней. И по закону о всемирной справедливости, все кабинки были заняты. Мне пришлось еще немного продержаться в ожидании и мучиться от запаха собственного пота, пока на мою уставшую голову не полилась еле теплая вода, а еле теплая она была из-за других магинь пламени, которые вылили на себя прекрасных всю горячую воду.

Холод совсем не мешал смывать всю грязь, песок с арены и пот со своего истощенного тела, но сил от этого не прибавилось. Раз, мое состояние желало лучшего, то я решила дать себе отдохнуть, ибо выбить из себя хоть какую-нибудь продуктивность я была не в состоянии

Я резко крутанула вентиль крана и вышла из кабинки. Я тут же услышала, как хлопнула входная дверь раздевалки. Кто-то ушел? Когда я вернулась в раздевалку, здесь уже никого не было.

Мои вещи лежали преспокойно на лавке, и я не стала задерживаться. Облачившись в чистую, но ту же самую кожаную форму, я быстро заплела в косу еще мокрые волосы и спешно покинула арену и прилегающие к ней территории. Мне хотелось скорей завалиться в свою кроватку.

Но этот день был богат на странности, у общежития пла-

менного факультета меня поджидал Сирилл. Я точно знала, что ему было здесь не место, он учился на другом факультете, и партнерш с факультета огня он давненько не заводил.

Сегодняшний день бил все рекорды по общению с университетской звездой.

Сирилл стоял и подпирал плечом стену нашего здания. Он даже «это» делал красиво и с величием. Комендант общежития не пропустил его дальше порога? Это было необычно, но могло быть все иначе – Сирилл мог и не пытаться пройти. Я подозревала, что для любвеобильного прыгуна по кроватям, из-за которого девочки начали убивать друг друга, не существовало закрытых дверей во всем университете.

Что же ему было от меня нужно? То, что именно я причина его присутствия подтверждал немигающий взгляд – его глаза пристально следили за моим приближением к общежитию. Все благодарности он озвучил еще в столовой, у присутствующих учащихся аж весь завтрак повыпадал из ртов, что же еще ему могло понадобиться от местной зазнайки?

Я встала напротив Гура и выжидающе уставилась, но он стойко продолжал молчать. Открыл рот он лишь тогда, когда я решительно настроилась уйти – я была не намерена играть в гляделки с обольстительным ветреным ловеласом на глазах у других огневигов.

Сирилл Гур с легкостью покорял девиц надменной уверенностью и голубизной своих глаз контрастных темным, почти черным волосам. Возможно еще довольно мужественное

атлетическое тело помогало ему в покорении. Хотя подобным телосложением могли похвастаться все студенты университета, на арене потом заливался каждый.

Но, нельзя было не согласиться, нечто притягательное, манящее в Сирилле однозначно было, нечто такое, что хотелось обуздать или хотя бы оседлать...

Для моей заинтересованности этого, как оказалось, было маловато.

– Ты ходила к Бэлле Асвер? – спросил меня Сирилл.

Его вопрос меня изрядно удивил, даже поразил! Я вскинула подбородок и в бешенстве проговорила:

– Прости, а с чего вдруг меня должно интересовать ее здоровье? Это не из-за моих постельных приключений свихнувшаяся проклятийница решила вывернуться на тихоне-водице!

Мой укор цели достиг, на миг выражение лица самоуверенного в себе пятикурсника сменилось на виноватое, но ненадолго. Вина мгновенно испарилась, а глаза гневно прищурились. Я ожидала, что Сирилл скажет нечто грубое, и я спокойно смогу удалиться к себе и, наконец, прилечь, но он не дал мне такой возможности.

– Меня не пустили в лазарет. Сам декан врачей запретил мне появляться в их крыле. – неожиданно оправдывался передо мной Сирилл.

– Понимаю, почему Кирис Бордер так поступил. – фыркнула я, но заткнула свое зубоскальство поглубже, все же дев-

чонку мне было жалко. – Она пришла в себя?

Сирилл пожал плечами, будто бы ему было все рано, но лицо... Его выражение выдавало искреннее беспокойство, хоть он и пытался скрыть это. Сирилл смотрел куда угодно, но только не на меня. Но этого было недостаточно для того, чтобы я отправилась узнавать про Бэллу, я по-прежнему считала, что я здесь ни при чем.

– Что тебе нужно, Сирилл? Что ты мнешься? Давай, выкладывай уже! Драгоценное время уходит на то, чтобы ты набрался смелости и признался уже, что ты тут забыл...

Я добилась того, что старшекурсник обрел здоровую злость, которая подстегнула его к сформированной просьбе.

– Сходи к Бэлле и узнай, как она! Останусь должником! – сквозь зубы произнес он.

Одна из моих личных заповедей – не помогать тому, кто не просил. И не из-за ответных обещаний, нет, я уже была опытна в непрошенной помощи – это ни к чему хорошему не приводило. Теперь я точно слышала, что от меня хотел Сирилл. Странно, что он не обратился к своим друзьям-подпевалам. Хотя с этим было все ясно, у них на уме были лишь тайные вечеринки, девушки и магоголь. Как они успевали учиться, для меня оставалось еще одной загадкой университета.

С тяжелым вздохом я пробурчала:

– Ладно...

Я медленно отвернулась от общежития и ко своей воз-

возможности спокойно отдохнуть и набраться сил, пошла обратно в основное здание университета, а именно в лекарское крыло на поклон к главному лекарю, Кирису Бордеру. За спиной остался красавчик местного разлива магоголя, он был явно обескуражен моим быстрым согласием. На самом деле, я и сама не понимала, зачем решила ему помочь, но Бэлла была не виновата, что связалась с обаятельным идиотом и попала под жуткое воздействие. А я смогу убедиться, что смертельный исход удалось избежать и буду спать мирным сном в своей кроватке.

В лекарское крыло я дошла, но по дороге к нему мое состояние явно ухудшилось. Я ощущала себя простывшей – сильная слабость заставляла чувствовать себя никчемной, в носу свербело и чесалось где-то в груди. Я даже обрадовалась, что решила пойти провести эту Асвер, заодно я смогу попросить какое-нибудь зелье от простуды, от температуры, от головной боли и от еще чего-нибудь, лишь бы не было так тошно.

Вход в лазарет находился внутри главного здания недалеко от тренировочных площадок и арен, ведь чаще всего там студенты получали разнообразные травмы. Склифор Эндр отдал ближайшее от тренировочных залов ученическое крыло целителям и организовал там лазарет.

Я постучала в кабинет, где под грозным присмотром лекаря обычно находились учащиеся, и, не дожидаясь разрешения, зашла. Сегодняшнее дежурство вела молоденькая прак-

тикантка, она суетливо бегала вокруг койки, на которой лежала, будто бы спящая Бэллa.

После окончания учебы на факультете лекарей все выпускники становились практикантами у именитых целителей. Несколько выпускников удостоивались чести практиковать в университетском лазарете вместе со светилом лекарской магии, деканом Бордером.

Конечно же, над Бэллой, которая совсем недавно висела на ниточке от смерти, следила ни одна практикантка. В комнате присутствовал еще и сам Кирис Бордер. Мне даже было почти интересно – он, вообще, покидал палату? Или он караулил здоровье водницы еще с ночи?

– Добрый вечер! – мой голос разрушил тишину.

Седовласый декан факультета исцеления поднял на меня свои уставшие глаза, будто бы только сейчас вразумил, что в комнате появился новый объект для исцеления.

– Ах! – воскликнула молодая практикантка, театрально всплеснув руками. – Что вы тут делаете? Как вы могли зайти без разрешения?

Ее интонация не звучала дружелюбно, и теперь она совсем не напоминала трепетную голубку, что мгновение назад курлыкала над Бэллой. Ох уж эти лекари, вечно делали вид, будто им не все равно, вечно размахисто жестикулировали и громко разговаривали. Единственный, кто по-настоящему переживал за своих пациентов, был их декан, по крайней ме-

ре, мне так казалось.

Я демонстративно сложила руки на груди и не собиралась оправдываться. Мне было не по душе, когда со мной так разговаривали, а я и повода для этого не давала. Еще секунда, и этот самый повод появился бы, но вмешался декан Бордер. Он устало потер лицо и красные глаза, спрашивая:

– Что ты хотела, Саша?

Глядя на утомленного человека в годах, мне стало стыдно. Мой протест схлынул волной. Вместе с шумным выдохом я ответила:

– Чувствую себя паршиво, будто бы простыла.

Практикантка, одетая в миленький маленький белый халатик, который явно заинтересовывал толпы студентов мужского пола, откинула прядку солнечных волос и громко пренебрежительно фыркнула. Таким животным способом она выразила свое недовольство. Мне не было понятно, чем же я не угодила блондинистой магине, но я уже потеряла к ней интерес. Это того не стоило, да и что было взять с глупышки, мнящей о себе Прозерпину, когда сама она была очередной свинопижкой.

Кирис обернулся на свою протеже и сказал:

– Принеси-ка все необходимые лекарства, Ева, и смотри у меня!

Он даже пальцем пригрозил ей, неужели он пытался научить ее вежливости? Я боюсь, что с воспитанием здесь безбожно опоздали. Мне придется лишь надеяться, что у работ-

ницы кафедры исцеления все же хватит совести на выдачу настоящих лекарств, несмотря на личное отношение.

Ева недовольно нахмурила носик, но высказаться не посмела. Она небрежно направилась к стеклянному шкафчику, где хранилось баснословное количество разнообразных склянок с различными жидкостями и порошками для лечения той или иной хвори. Все склянки-банки были подписаны аккуратным подчерком, а сам шкаф был, мало того, что под замком, так еще и зачарован, чтобы даже в случае магической катастрофы зелья не разбились.

Пока практикантка искала нужную бутылочку, а может, и не одну, я спросила у декана:

– Как она?

Кивком головы я указала в сторону пострадавшей. И, наконец, смогла повнимательней рассмотреть девчонку – Бэлла выглядела мертвой, совсем бледной и не дышащей. Еще эти белые стены вокруг и белые же простыни – они так уныло гармонировали с цветом ее кожи и с прилипшими к подушке темными некогда кудряшками, акцентируя болезненную белизну, лазарет казался мне склепом. Бедняжка Бэлла, почти умерла из-за какого-то похотливого старшекурсника.

– Все будет хорошо... – не совсем уверенно ответил Кирис Бордер и тяжело вздохнул.

Я недоверчиво посмотрела на него, вкладывая во взгляд весь свой скепсис. Но, кто я, а кто Кирис Бордер, знаменитый врачеватель и так далее, чтобы спорить. Ему было виднее, и

я совсем не желала воднице умереть.

Декан лекарского факультета снова вздохнул, снова устало потер глаза и уже честно и откровенно заговорил:

– Мне удалось остановить распространение проклятья, но пока полностью снять его у нас не вышло. Коллегиально было решено оставить студентку в наведенном летаргическом сне, а когда я восстановлю свой ресурс, то опять попробую отодрать эту заразу от ее тела и души. И как удалось жалкой проклятийнице наслать такое заковыристое проклятье?

Вот как! А Камилла не скупилась на заклинание, выбрав мерзкое и каверзное, но не настолько, чтобы великий целитель Кирис Бордер не справился, в чем я не сомневалась.

– Вам просто нужно время, и все получится! – заключила я и мягко улыбнулась.

– Иди-ка сюда. Я осматрю тебя еще раз, – предложил он.

– Не стоит, – отмахнулась я от предложения. – Вы и так исчерпали себя, а у меня всего лишь простуда. Бывает со всеми!

Как раз и практикантка «многоуважаемая мной» принесла лекарства, и не один пузырек, а даже несколько. Объяснив, как принимать каждую из настоек с лицом постной капусты, она вытолкала меня из лазарета и даже из лечебного крыла. Однако я успела попрощаться и поблагодарить уважаемого декана Бордера, и теперь легкой, но утомленной походкой, я снова держала курс на свое общежитие. До законного отдыха в своей постели оставалось совсем чуть-чуть,

всего пару шагов!

«Чуть-чуть и всего пара шагов» явно растянутся, и все из-за кое-кого, кто все еще подпирал стены общежития огня. Пожалуй, мне даже надоело лицезреть этого парня – от него были одни проблемы.

Гур, увидев меня, тут же подорвался и поспешил мне навстречу с вопросом:

– Ну? Как она?

«Правда, волнуется!» – пролетело в моей голове. Я так решила не потому, что он считал себя виноватым, совсем нет. Эта девочка ему совершенна точно была небезразлична, она даже была ему дорога!

Я недоверчиво сощурилась и непродолжительное время разглядывала утомленное молодое и симпатичное лицо Сирилла. И чем больше я его разглядывала, тем больше утверждалась в том, что переживание было настоящим, неподдельным. Темные круги под глазами, скорбные складки у сухого рта, какая-то нездоровая бледность подтверждали искренность Гура, или он тоже простудился?

Что-то меня занесло! Это было не мое дело.

– Все будет хорошо, – уверенно заявила, – пока она спит.

Он шумно выдохнул, и плечи его опустились. Сирилл резко превратился из университетского красавчика в сутулую оглоблю. Мне было довольно странно видеть такого видного непоколебимого мужчину в образе побитого щенка, это вызвало у меня противоречивые чувства то ли мне было его

жаль, то ли я ощущала злорадство.

Уж это подлое чувство я совсем не хотела носить в себе...

– Эй! – подергала я его за плечо. – С тобой все в порядке?

– Да. – ответил он, махая головой в разные стороны, опровергая собственное согласие. – Точнее, нет, слушай, а можно к тебе?

Я моментально отдернула руку, словно ошпарилась о кипящий чайник, и вытаращила на него глаза в яром возмущении. И возмущение мое было слишком велико, чтобы сформироваться в приличные слова, однако, когда оно все же сформировалось до норм приличия, я смогла выдавить из себя презрительно:

– А ты все туда же...

Я ринулась обойти его, про себя сто раз жалея о том, что пожалела придурка, но Сириллу было мало – уйти от него оказалось сложно.

Он остановил меня крепкой хваткой за предплечье и сказал:

– Подожди ерепениться, недотрога. Ты забыла, что не нравишься мне.

Зря я его пожалела, великовозрастного шутника. Хотя я и чувствовала себя неважно, но это не означало, что я не могла наподдать этому ослонавту.

Я перехватила руку, удерживающую меня, и оттолкнула Сирилла от себя, а затем подло подсекла его левую ногу. Будь мы в другой ситуации, мне бы не удалось уронить столь мощ-

ного и опытного мужика так легко! Он явно не ожидал столь предательского маневра с моей стороны, поэтому рухнул на землю. И я преспокойненько направилась в сторону входных дверей здания со знаменем «Пламя», не оборачиваясь.

Это я зря сделала, Сирилл, как был любителем бить в спину, так им и остался!

Этот полоумный захватил мои две щиколотки и потянул на себя, естественно, не ожидая такого варварского способа нейтрализации, я упала плашмя в землю. Единственное, что я успела – прикрыть лицо руками, иначе без разбитых губ и носа я бы не обошлась.

Стоило мне грохнуться, как гаденыш уселся сверху, да еще и попытался меня обезвредить, захватив мои руки. Меня и обездвижить, где там! Сирилл не на ту напал, я не влюбленная глупышка, что дурью мается, я примерно училась все это время, и высвободиться из его захвата – левая задача.

Я взбрыкнула и сразу же вспыхнула, как спичка, заставляя его отпрянуть. Одним ловким прыжком я встала на ноги и погасла. Я попыталась врезать по наглому лицу Сирилла, но не успела, подлец перехватил мой кулак со словами полными возмущения:

– Стерва! Магию подключила...

Гур призвал свою стихию, а я успела забыть, что Сирилл отменно обращался со своей силой. Спустя секунду мои руки и ноги оплели корни растений. Да, Сирилл Гур – земляник, его стихией была пресная и твердая земля.

Это противостояние могло длиться вечно, я могла спалить к чертям его узы, но решила отступить, столько сил тратить на напыщенного щеголя, мне совсем не хотелось. Мне хотелось пойти к себе, как можно скорее, и выпить все скляночки, так сложно добытые в лазарете.

Я показательно расслабилась, открывая ладони, демонстрируя свое послушание и готовность к перемирию.

– Так-то лучше! – довольно произнес Сирилл. Он-то думал, что вышел победителем из этой схватки, пусть так.

Я лишь закатила глаза, тактическое отступление не говорило о победе вражеской стороны. Жалко, что не получилось отбрыкаться от чрезвычайно навязчивого гада с симпатичной моськой с самого начала.

– После посещения моей комнаты о тебе поползут слухи. – сказала я в надежде, что Сирилл передумает.

– Что ты, Саша! Сплетней больше, сплетней меньше. О тебе и так трещат за каждым углом, а мне уже не страшно. Не беспокойся обо мне, лучше води в свою комнатушку! О, греза моих ночных деяний!

«Не страшно ему, а раньше было страшно!» – но я ничего не произнесла, хотя мне было что сказать.

Я слегка стукнула старшекурсника в плечо, чтоб он поумерил свой пыл в шуточных высказываниях, а лучше вообще замолчал, и повела настырного гордеца в свою комнату. Я не знала, какие силы поблагодарить, но мы не встретили ни одной любопытной огневички, а просто спокойно добра-

лись до комнаты, это ли было не чудо?

Как же я устала – ноги почти не держали мое тяжелое тело. Стоило мне оказаться в собственной комнате, я просто рухнула на свою тверденькую, тесненькую, но горячо любимую постель. Вольготно раскинув руки, я принялась ждать, когда же Сирилл, наконец, соизволит высказать причины своего присутствия и вообще всего этого паршиво лживого внимания к моей персоне.

Ждать пришлось долго, но его откровение стоило того. Оно упало камнем в колодец моей мозговой активности.

– Бэлла – моя сестра! – тихо прозвучал его голос.

Заявление было многозначительным и многое объясняло, но не все. Я все еще не понимала, каким боком Саша Лорски, то есть я, участвовала в этом и зачем.

Невезучая Бэлла пострадала беспричинно, а все потому, что где-то кому-то что-то привиделось. Наверняка, Сирилл ее выделял среди остальных девушек, но никто не знал об их родственной связи. Ему следовало подумать о ревности своих подружек и обезопасить свою горячо любимую сестру, а не подставлять под проклятье Камиллы.

– Разные отцы? – спросила я, предположив о причинах разных фамилий.

– Разные матери... – нехотя ответил Сирилл.

Зато теперь становились понятными нетипичное поведение старшекурсника и его забота о ней. Почему же он скры-

вал, что Бэлла его сестра? Так-так, мне не следовало лезть, куда не просили, но теперь я понимала, почему он не смог обратиться к своим друзьям-подлизам, а приперся ко мне. Но в комнату-то зачем было с боем пробиваться? Я же уже сообщила о состоянии его сестры.

– Мне закрыт доступ в лазарет... надолго, – продолжал убивать меня словами Сирилл.

Все прояснилось, Сирилл скромно топтался на одном месте, чтобы я докладывала ему о здоровье Бэллы.

– Бесы! Камилла создала мне уйму проблем! – продолжал горячиться он.

Я молчала, ему требовалось выговорить все скопившееся Г...

– Что теперь будет? Я не знаю! Но, Саша, никто не должен знать, что мы с ней родственники! – взмолился он.

– Зачем тогда ты меня в это втянул? Я не хочу вляпаться из-за ваших тайн и интрижек в историю.

– О, недотрога, поверь мне, ты уже встряла по самые очаровательные глазки. Ты спасла Бэллу, и теперь ты участвуешь в большой гонке! К нам уже мчится на всех скоростях один из рожденных драконами, и первой, с кем он захочет пообщаться, будешь ты! Да, Саша, именно так! Попомни мои слова! Ты придешь ко мне сама!

Вылив всю эту дурно пахнущую информационную жижу, он позорно ушел, истерично хлопнув дверью. Я не стала принимать его слова всерьез, а зря. Знала бы я тогда, что прине-

сет мне спасение девчонки, я бы сбежала прочь со всех ног. Наверное, и сам Сирилл не представлял, с какими проблемами я постучусь в дверь его личной комнаты общежития «Земли».

Глава 3. Новые лица

Сирилл демонстративно и громко покинул мою комнату, а я даже не поменяла позы – сразу уснула, позабыв выпить все лекарства. Утром я чувствовала себя гораздо лучше, даже превосходно. Я решила, что простуда отступила, и прием лекарств был мною отменен.

В процессе сборов и утренней пробежки я размышляла о Гуре, почему он психанул, зачем угрожал и чем мне реально грозила эта история?

Его поведение я оправдала тем, что легко идущий по жизни университетский красавчик не привык сталкиваться с реальными проблемами. Мало того, что тайное родство с Беллой под угрозой раскрытия, так еще и родная сестра чуть не умерла из-за его любовных приключений. Его моральная устойчивость не выдержала, вот он и взбесился, а досталось мне.

Что я думала о приезде рожденного драконами? Я сомневалась, действительно ли в университет заявится древняя кровь из-за несостоявшегося убийства на почве ревности? Сирилл не убедил меня, что такое могло случиться.

Я понимала, что за пределами университета Сирилл Гур имел семью, которая была весомой, богатой и непростой, но связь с рожденными драконами? П-ф-ф-ф! Я скорее поверю,

что все сказанное – это вымышленная пугалка, чтобы я была поговорчивее.

День проходил по расписанию и без всяких интересных событий: никаких лишних магов за завтраком, никаких лишних сплетен и никаких рожденных драконами не появлялось в моем поле зрения. Самый обычный день.

Мне удалось отлично выступить в спарринге с Бэном. У меня получилось несколько раз пробить его защиту и нанести урон, однако, под конец безогненной схватки он все равно увалил меня под себя, не позволяя одержать окончательную победу. Это уже второй случай, когда меня уложили на лопатки – не хорошо, мне следовало больше тренироваться.

Бэну доставляло особое удовольствие валять меня на песке тренировочной арены, отрабатывая безгмагический бой. В этот раз именно Бэну досталось проводить у студентов тренировки без пламени, на огненных отработках в сегодняшнем расписании стояло гордое имя – Левофус Раск.

– И что? Даже ругаться не будешь? – спросил меня Бэн, когда занятие подошло к концу.

Сплюнув песок, я ответила под бдительными взглядами моих однокурсников:

– Зачем? В следующий раз этот приемчик у тебя не получится!

И я не врала. Каждый раз Бэн придумывал новую технику, потому что прежние способы повалить меня на песок у него

уже не выходили. Я училась на своих промахах. Кстати, это касалось и Сириллы, больше ему не удастся свалить меня с ног. Я больше никогда не повернусь к нему спиной!

– Лорски, ты угрожаешь своему наставнику? – со смехом произнес Бэн.

– Что ты, Бэн! Я тебя слишком обожаю, чтобы угрожать! – сказала я, уходя в женскую раздевалку.

Похожие разговорчики между нами уже давно вошли в норму. Они подогревали сплетни о наших несуществующих отношениях, но я не могла не веселиться с ним. Бои с Бэном будоражили меня, и мне нравилось у него учиться. Он был талантливым борцом и отличным преподавателем. Бэн был крутым и добрым!

Следующее занятие проходило с деканом Левофусом Раском. Он степным коршунолетом порхал вокруг меня, он был сильно недоволен моим пламенем. Огонь постоянно выходил из-под моего контроля. Этим была недовольна и я! Всего два раза в своей жизни я не контролировала свой огонь, и этого хватило на долгие годы жизни. Еще будучи маленькой девочкой, я зареклась, что мой огонь будет в полном моем подчинении, или же его не будет вовсе!

Оба случая были страшными. Второй обошелся без жертв, потому что я уже была взрослой и училась в университете, а вот в первом – не выжил никто, кроме меня. И, если первый случай почти не отпечатался в моей памяти, то вто-

рой сопровождался сильными эмоциями и переживаниями, коих в данный момент не было.

Сейчас было не до детских кошмаров...

Да, я чувствовала усталость, некоторую избитость, но никаких потрясений. Ничего удивительного, что могло бы пошатнуть мое стабильное ментальное состояние не произошло. Проблемы Бэллы и Сириллы были проблемами Бэллы и Сириллы, и меня они никоим образом не трогали!

И когда пламя стало непослушным и чуть ли не спалило все манекены – это и для меня стало неожиданностью. Легофус сразу же начал кружить вокруг меня для моей же безопасности и безопасности остальных студентов, но с занятия не прогнал.

После тренировки декан задумчиво сказал:

– Возможно, обнаружение Бэллы при смерти на тебе сказалось больше, чем тебе кажется...

В ответ я только пожала плечами. Я могла заблуждаться, но я не чувствовала бóльшей, чем обычно, заинтересованности ко всей этой истории, и в себе никаких неприятных ощущений не отмечала, даже вчерашнее недомогание улетучилось. Причины неповиновения огня мне были не ясны, но спорить с деканом было глупо.

– Задержись и поработай на арене еще. Опустоши, насколько получится, свой резерв, хорошо? – сказал старик Легофус.

– Хорошо, – ответила я согласием на добровольно-прину-

длительную дополнительную тренировку.

Я бы и сама осталась на арене без просьбы декана. Мне хотелось понаблюдать за необычным поведением своей магии. Возможно, я бы смогла обнаружить, что натолкнуло бы меня на причину безрадостных изменений.

Декан Раск не ушел и все время тренировки наблюдал за моими мучениями. Огонь уже не бунтовал, но все равно не слушался. Если пламя и ярилось, то мне удавалось его остановить. Подобное управление огнем было отвратительным и совершенно несвойственным мне.

Декан покинул арену, он получил зов с просьбой от профессора Альберта Фароуса. Я продолжила сбрасывать излишки пламени под огнеупорным куполом арены в одиночестве. Стоило Леофусу уйти, как огонь стал приобретать новые формы изменений.

Я лихо носилась по арене, вытворяла с пламенем такое, что мне и в страшном сне не снилось. Никогда я не ощущала себя столь энергичной, столь сильной, наверное, даже всемогущей. Эта чудовищная мысль о всесильности меня остановила, я осознала, что огненная стихия взяла надо мной верх.

Меня распирало от пламени, оно дико билось в груди и вырывалось на свободу. Огонь жаждал слиться с родной стихией, огонь не хотел быть под властью тщедушного человеческого тела.

Это была последняя моя осознанная мысль, дальше я уже

была не совсем собой, или собой, но какой-то другой, ведь я никогда не смогла бы сделать то, что сделала я-не-я...

...Андироган Шеслейс, рожденный драконами...

Он сидел на кресле в кабинете у глубокоуважаемого, в том числе и им же, Склифора Эндра. Ректор Университета Магов великодушно разливал ароматный чай по небольшим чайным парам, а заодно ректор Эндр внимательно наблюдал за Андироганом так же, как и сам Андироган следил за ректором.

Оба собеседника изучающе наблюдали за каждым движением, за каждым произнесенным словом, каждый из них прощупывал и определял, насколько оппонент вызывал у того доверие. Удастся ли им совместно решить непредвиденные проблемы без осложнений?

– Что ж, Андироган! Рад лично с вами познакомиться. Слухи о вас известны по всем прилегающим землям, добрались они и до стен университета! Увидеть вас собственными глазами большая честь для меня, старика, ведь не всем выпадает подобная удача, как пить чай в обществе рожденного драконами... – медленно и задумчиво произнес ректор.

Андироган был согласен с ректором, он оказывал небывалую честь, посещая это учебное заведение лично. Он бы и не явился сюда, если бы это не было его личным интересом, который он хотел бы оставить в секрете. Но, даже учитывая все эти нюансы, ректор все равно был прав – рожденные дра-

конами крайне редко снисходили до простых людей, даже к таким величественным, как ректор Склифор Эндр.

Во всем мире среди древних рас только рожденные драконами остались более-менее цельным народом, не считая малые народцы. Им повезло существовать и сейчас так же, как они существовали раньше, благодаря специфике их образа жизни.

Каждая капля крови дракона ценилась и серьезно оберегалась самим Владычеством. Да, чистокровных носителей крови осталось мало, но они хотя бы остались, в отличие от рожденных вервольфами. Те все перемешались с человечеством, проявляя свою истонную силу в жалком человеческом теле. Удел вервольфов – существовать смазанным течением среди человеческого моря. Но все же встречались еще жалкие крохи истинных совершающих оборот, но их было так мало, что Андироган встречал только одного такого представителя от некогда многочисленного и сильного народа.

Похожее приключилось и с рожденными альвами. Численность представителей этой древней расы все же в разы превосходила вервольфов, однако, чистокровные рожденные альвами предпочитали нести бремя отшельничества и одиночества из-за природного долголетия. Они уже были научены горьким опытом захоронения любимых мужей, жен и детей после связи с человеком, поэтому выбрали путь уеди-

нения и покоя рядом с природой.

Маги еще могли кое-как конкурировать в долголетию с древними расами, но силу людям даровали уже позже. Тогда, когда по всей земле от древних рас уже осталась жалкая горстка слабаков.

И только рожденные драконами сохранили подобие власти, свои родные земли, свои законы. Древняя раса была не настолько сильна, как в былые времена, но Его Владычество Даруис Сидиру очень радел за кровь своего народа и берег каждую каплю рожденных драконами, возможно, даже слишком.

– Я счастлив почтить вас своим присутствием, – ответил Андироган. В нынешних обстоятельствах он не мог поступить по-другому, находиться в этом кабинете и в этом учреждении – его долг, а не желание. – Давайте обойдемся без витиеватых слов и благодарностей, а перейдем к делу, из-за которого я и нахожусь перед вами. Будьте любезны, господин Склифор, расскажите все, что вам известно. Емко. Коротко. Честно.

Взгляд ректора стал острым, он буквально пронизывал Андирогана насквозь, будто бы даже стены университета сейчас осматривали его и потрошили все нутро. Ректор хотел взглянуть на истинную суть Андирогана, и он ему позволил эту дерзость. И как Склифор осмелился так открыто его изучать? Дерзкий старик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.